

ВЛАДИМИР ХОРЛОПАНОВ

Листает время жизни даты...

Бабушка Маруся

— Смысл жизни? Жить, чтоб умереть, —
Сказала бабушка Маруся
И посмотрела с тихой грустью,
Как могут бабушки смотреть.

Был крепок мой дворянский род,
Разорван этот род на части...
В далёком детстве было счастье,
Потом пришёл переворот.

Потом война... Но о войне
Она почти не говорила,
Лишь вспоминала: — Трудно было,
И хлеб в огромной был цене.

Бывает шутит: — В годы те
Одно лишь чувство было — голод.

Всего хлебнули — страх и холод,
Но жить умели в тесноте.

Жалела, что одна сейчас
Из всех родных на белом свете.
Так не должно быть, коли дети
Жизнь покидают раньше нас.

Уж поздно. Спать давно пора.
Том Достоевского читает.
Пока, мол, зреньё позволяет.
Неужто я совсем стара?!

Стояла в сумрачном окне,
Как будто бы себя забыла...
Жизнь простодушную любила;
И в мир иной ушла во сне.

ХОРЛОПАНОВ Владимир Анатольевич родился 22 июля 1966 года в посёлке Кежда Красноярского края. В 1983 году окончил Качугскую среднюю школу № 1, в 1988 — энергетический факультет Иркутского политехнического института. С 1989 года работал учителем физической культуры. Награждён знаком «Почётный работник образования». Бард. Член литературного клуба «Литосфера» в п. Качуг. Печатался в журнале «Первоцвет», в газетах «Байкал», «Ленская правда», в коллективных сборниках. Живёт в Качуге.

Камертон

1

Отчего я так расстроен?	Строя нет и нет свиданья,
Оттого что не настроен.	Лишь одно — непопадание.
Строя нет — одно расстройство!	Невпопад — в тоску паденье,
Ну, какое тут геройство?	И с тобой — несовпадение.

2

Я никак не попаду в нужный тон,	Там — улыбка и любви, и огня.
На другой волне поёт камертон.	Но в огне твоей любви — нет меня!
На другой волне воздыхаешь ты,	Грохнуть, что ли, камертон,
Там — свиданья и мечты, и цветы.	Чтоб попасть с тобою в тон!

3

И настраиваюсь я, как могу.
И подстроиться к тебе не могу!

Гармошка

Растяну я двухрядку гармошку,	Вспомню лица, дороги, разлуки
Заиграю легко, не спеша,	И безумных минут благодать.
И мотив разнесётся хороший,	Побегут пальцы робко и нежно,
Но о чём-то заплачет душа.	А потом будет их не унять.
У гармошки особые звуки,	Жизнь любить не хочу безмятежно
Пустит в пляс и заставит рыдать.	И себя самого догонять!

Вера

Две тысячи лет — и сейчас, и тогда
На ослике едет Иисус в города.

Две тысячи лет Тебе славу поют,
И снова, и снова Тебя предают.

Смиренно Ты принял распяты и смерть,
И чудно воскрес, слава небо и твердь.

С тех пор Ты над миром две тысячи лет.
Заблудших спасает любви Твоей свет.

Прости меня, Господи! Вера слаба.
С печалью рождаются в сердце слова.

Взываю ко Господу: — Не осуди!
Прошу — от предательства нас огради,

Деревня

Дождём поеденные крыши
Оделись в белые ушанки.
Здесь детский смех давно не слышен,
С горы крутой не мчатся санки.

И время, будто бы в разгуле,
Мир разрушает всё быстрее.
Пять деревенских было улиц —
Три дома ныне коченеют.

А раньше было, каждый праздник
Из дома в дом ходили дружно.
Прими с душой, судьбу не дразни,
Гостеприимными быть нужно.

Пол ходуном — под балалайку
И тронет за душу гармошка.
А ну! «Подгорную», давай-ка!
И застучат в такт песне ложки.

Передохнув, затянут песню
Протяжным ленским переливом.
А ребятня за русской печкой
Петь тоже учится красиво.

Потом заплачет горько кто-то
О том, что в жизни не сложилось.
Поймут, утешат: — Полно! Что ты?
На беды есть и Божья милость.

Считает дни в часах кукушка,
Зовёт хозяина корова.
Покрыло зеленью опушки,
Там — сенокос с дождями снова.

Листает время жизни даты,
И не вернёт истоков древних.
Столбы заборов, как солдаты,
Хранят погибшую деревню.

Колокола

Звонят, звонят колокола
О жизни вечной, жизни тленной,
О бесконечности Вселенной
Вовсю звонят колокола.

О вечном подвиге души,
Её паденье и спасенье,
О Боге, вере, обретенье,
Уединении в тиши.

И перезвонами зовут
Понять, что есть и жизнь другая,
Что путь открыт к пределам Рая,
И в ад открыт — там тоже ждут

Пределов Страшного Суда...
Что не спокойно моё сердце?
Ах, жизнь, наверно, только дверца,
Да приведёт она куда?

Сияет мир золотым крылом.
Дворцы, как символы богатства.
Но с жизнью каждому расстаться,
Увы, придётся. Что потом?

Звонят, звонят колокола,
И звонами пронзают душу.
Охота песню их дослушать,
И в тишине сгореть дотла...

Соловей

(Басня)

Пел соловей на ветке — браваый.
Пел просто так, не ради славы.
И восхищалась вся округа:
Какое пение! Заслуга

Чья в этих песнях — знали птицы:
Дрозды, кукушки и синицы...
Поёт соловушка на ветке.
Воркуют птицы: — Голос редкий!

А можешь ярче, можешь громче,
Живого леса главный кормчий.
И соловей вовсю старался,
Ещё красивей петь пытался.

Ему кричали «Браво! Браво!»,
Ты самый царственный по праву!
Но соловей устал однажды
И ночь, и день проспал отважно.

И стало сумрачно в округе.
Все птицы замерли в испуге.
И соловья в тиши спросили:
Ты что же? Петь уже не в силе?

И он сказал спокойно, тихо:
Меня заменит соловьяха!
Поскольку хватит мне пахать,
А ей по веточкам порхать!

Встреча

Она знакомою дорогой
(С мешком для мусора в руке),
Отстав от всех, шла одиноко,
И пропадала вдалеке.

Я листья мёл. Мой взгляд печальный
Заметила и подошла.
Как будто встретила случайно
Знакомого, что так ждала.

Глядели молча друг на друга,
Читая что-то по глазам.

Казалось, замерла округа,
И ведал судьбы Божий храм.

У ней родня — все богатеи,
Живут сытней день ото дня.
...Им не нужна! И, как умеет,
Встречает новый день одна.

Апрель. Уж тени всё короче.
Сады наполнила весна.
Ушла, сказав, что надо срочно...
С пустым кулём — за счастьем дня.

Родина

Пыльная вьётся дорога,
Еду и песню пою,
В песне — печаль, безнадёга.
Жалко Россию мою!

Но даже хмурый, усталый,
В ночь подгоняю коня...

Знаю, что это не мало —
Родина есть у меня.

Вечная тихая речка...
Сердцу родное — всё здесь!
Теплится старая печка.
Горюшко, в душу не лезь!